

Кристиан подразумевал Градец-Кралове. Тут подчеркивалось то обстоятельство, что Градец-Кралове ближе к Моравии, чем прочие Градцы Чехии, и что сюда легче могло проникнуть влияние Мефодиевой церкви. Гипотезам и комбинациям новейших историков нет границ. Предание или ученая комбинация приписывало происхождение в эпоху Кирилла и Мефодия костелов в Литомышли и Садске.¹⁵ Поскольку речь идет о Литомышле, то версия о существовании там древнейшей церкви — еще 60-х годов IX в. — основывается на подделке Бочка (так называемой «*Monseana fragmenta*»); версию эту нельзя считать серьезной. В других случаях к чешским костелам, посвященным папе Клименту, применима в общем скептическая установка в том роде, как ее сформулировал Рихтер применительно к таким же храмам Моравии.

Традиция левоградецкая, бесспорно, древняя. Уже грамота первой половины XII в. подтверждает, что там находился костел, заложенный Борживоем: «*In Levo Gradech terra ad aratrum, ubi christianitas incepta est*».¹⁶ Значение этого свидетельства нужно оценить критически. Грамота восходит к 1125—1140 гг., ее составитель, очевидно, знал Кристиана или иной источник, от него производный. Важно то, что целиком вывести содержание грамоты из Кристиана невозможно. «Левый Градец» — это больше, чем «Градц», предполагает иной источник информации. Конечно, меняются и географические названия; писец, писавший грамоту, мог опираться на современный ему общий «узус». Но и название «Левый Градец» вызывает сомнения. И. Скутил в интересном этюде показал, что этот тип словообразования (Левый—Правый или Десный Градец) в чешской топонимике раннего средневековья совершенно необычен, даже невозможен.¹⁷ Очевидно, здесь налицо деформация, единственная приемлемая форма — это «Левув» (*Levův*) или «Левин» Градец (вблизи находится населенный пункт Левин), форма же «Левый Градец» вторична. Она и не укоренилась, Скутил указал, что в сохранившихся документах она крайне редка, обычна форма «Градец» (*Hradec*). Тем самым отпадает предположение, что форма «Левый Градец» попала в грамоту XII в. в силу общего «узуса», ей нужно искать образец в литературе. Действительно, в Хронике Козьмы мы дважды находим форму «Левиградец» (I, 10; I, 25), в одной рукописи (по нумерации Бретгольца — А 4а) — прямо «Левиградек». Вполне можно допустить, что составитель грамоты наряду с Кристианом знал и только что написанную Хронику Козьмы, уже сама цитируемая фраза показывает, что у него был живой исторический интерес.

Грамота свидетельствует, что в эпоху ее написания сообщение Кристиана связывалось с Левым Градцем и с упоминаниями о нем Козьмы. Теперь и нужно обратиться к этим двум упоминаниям хрониста. Первое касается борьбы Неклана с Властиславом, т. е. чехов с лучанами, Левый Градец выступает здесь как опорный пункт чехов в обороне против Властислава. В вопросе о крещении Борживоя это не дает ничего, только подтверждает древность Левого Градца. Но интересней всего то обстоятельство, что рассказ о войне с лучанами поставлен сразу после известия о крещении Борживоя Мефодием. Возникает вопрос: случайно ли совпадение контекста, в котором говорится о Градце у Козьмы и Кристиана? Правда, у Козьмы Левый Градец упоминается непосредственно

¹⁵ Ср.: Н. G. Voigt. St. Adalbert. Berlin, 1898, стр. 10, прим. 42 и сл.

¹⁶ Codex diplomaticus Bohemiae, I, N. 124. Pragae, 1914—1917.

¹⁷ Josef Skutil. Levý Hradeč? — *Časopis Společnosti přátel starožitností*, 66. Praha, 1958, стр. 140—144. Ср.: Iv. Vávr a. Levý Hradeč. — *Časopis Společnosti přátel starožitností*, 67. Praha, 1959, стр. 8—10.